

Юрий Яковлев

## Девочки с Васильевского острова Великое непослушание

*Умерли все. Осталась одна Таня.  
Из дневника Тани Савичевой.  
Ленинград, 1942 год.*

Я Валя Зайцева с Васильевского острова.

У меня под кроватью живёт хомячок. Набьёт полные щёки, про запас, сядет на задние лапы и смотрит чёрными пуговками... Вчера я отдубасила одного мальчишку. Отвесила ему хорошего леща. Мы, василеостровские девчонки, умеем постоять за себя, когда надо...

У нас на Васильевском всегда ветрено. Сечёт дождь. Сыплет мокрый снег. Случаются наводнения. И плывет наш остров, как корабль: слева – Нева, справа – Невка, впереди – открытое море.

У меня есть подружка – Таня Савичева. Мы с ней соседки. Она со Второй линии, дом 13. Четыре окна на первом этаже. Рядом булочная, в подвале керосиновая лавка... Сейчас лавки нет, но в Танино время, когда меня ещё не было на свете, на первом этаже всегда пахло керосином. Мне рассказывали.

Тане Савичевой было столько же лет, сколько мне теперь. Она могла бы давно уже вырасти, стать учительницей, но навсегда осталась девчонкой... Когда бабушка посылала Таню за керосином, меня не было. И в Румянцевский сад она ходила с другой подружкой. Но я всё про неё знаю. Мне рассказывали.

Она была певуньей. Всегда пела. Ей хотелось декламировать стихи, но она спотыкалась на словах: споткнется, а все думают, что она забыла нужное слово. Моя подружка пела потому, что когда поёшь, не заикаешься. Ей нельзя было заикаться, она собиралась стать учительницей, как Линда Августовна.

Она всегда играла в учительницу. Наденет на плечи большой бабушкин платок, сложит руки замком и ходит из угла в угол. «Дети, сегодня мы займемся с вами повторением...» И тут споткнется на слове, покраснеет и повернется к стене, хотя в комнате – никого.

Говорят, есть врачи, которые лечат от заикания. Я нашла бы такого. Мы, василеостровские девчонки, кого хочешь найдём! Но теперь врач уже не нужен. Она осталась там... моя подружка Таня Савичева. Её везли из осаждённого Ленинграда на Большую землю, и дорога, названная Дорогой жизни, не смогла подарить Тане жизнь.

Девочка умерла от голода... Не всё ли равно отчего умирать – от голода или от пули. Может быть, от голода ещё больнее...

Я решила отыскать Дорогу жизни. Поехала на Ржевку, где начинается эта дорога. Прошла два с половиной километра – там ребята строили памятник детям, погибшим в блокаду. Я тоже захотела строить.

Какие-то взрослые спросили меня:

– Ты кто такая?

– Я Валя Зайцева с Васильевского острова. Я тоже хочу строить.

Мне сказали:

– Нельзя! Приходи со своим районом.

Я не ушла. Осмотрелась и увидела малыша, головастика. Я ухватилась за него:

– Он тоже пришёл со своим районом?

– Он пришёл с братом.

С братом можно. С районом можно. А как же быть одной?

Я сказала им:

– Понимаете, я ведь не так просто хочу строить. Я хочу строить своей подруге...  
Тане Савичевой.

Они выкатили глаза. Не поверили. Переспросили:

– Таня Савичева твоя подруга?

– А чего здесь особенного? Мы одногодки. Обе с Васильевского острова.

– Но её же нет...

До чего бестолковые люди, а еще взрослые! Что значит «нет», если мы дружим?  
Я сказала, чтобы они поняли:

– У нас всё общее. И улица, и школа. У нас есть хомячок. Он набьёт щёки...

Я заметила, что они не верят мне. И чтобы они поверили, выпалила:

– У нас даже почерк одинаковый!

– Почерк? – Они удивились ещё больше.

– А что? Почерк!

Неожиданно они повеселели, от почерка:

– Это очень хорошо! Это прямо находка. Поедем с нами.

– Никуда я не поеду. Я хочу строить...

– Ты будешь строить! Ты будешь для памятника писать Таниным почерком.

– Могу, – согласилась я. – Только у меня нет карандаша. Дадите?

– Ты будешь писать на бетоне. На бетоне не пишут карандашом.

Я никогда не писала на бетоне. Я писала на стенках, на асфальте, но они привезли меня на бетонный завод и дали Танин дневник – записную книжку с алфавитом: а, б, в... У меня есть такая же книжка. За сорок копеек.

Я взяла в руки Танин дневник и открыла страничку. Там было написано:

«Женя умерла 28 дек. 12.30 час. утра 1941 г.».

Мне стало холодно. Я захотела отдать им книжку и уйти.

Но я василеостровская. И если у подруги умерла старшая сестра, я должна остаться с ней, а не удирать.

– Давайте ваш бетон. Буду писать.

Кран опустил к моим ногам огромную раму с густым серым тестом. Я взяла палочку, присела на корточки и стала писать. От бетона веяло холодом. Писать было трудно. И мне говорили:

– Не торопись.

Я делала ошибки, заглаживала бетон ладонью и писала снова.

У меня плохо получалось.

– Не торопись. Пиши спокойно.

«Бабушка умерла 25 янв. 3 ч. дня 1942г.».

Пока я писала про Женю, умерла бабушка.

Если просто хочешь есть, это не голод – поешь часом позже.

Я пробовала голодать с утра до вечера. Вытерпела. Голод – когда изо дня в день голодает голова, руки, сердце – всё, что у тебя есть, голодает. Сперва голодает, потом умирает.

«Лёка умер 17 марта в 5 часов утра 1942г.».

У Лёки был свой угол, отгороженный шкафами, он там чертил.

Зарабатывал деньги черчением и учился. Он был тихий и близорукий, в очках, и всё скрипел у себя своим рейсфедером. Мне рассказывали.

Где он умер? Наверное, на кухне, где маленьким слабым паровозиком дымила «буржуйка», где спали, раз в день ели хлеб. Маленький кусочек, как лекарство от смерти. Лёке не хватило лекарства...

– Пиши, – тихо сказали мне.

В новой раме бетон был жидкий, он наползал на буквы. И слово «умер» исчезло. Мне не хотелось писать его снова. Но мне сказали:

– Пиши, Валя Зайцева, пиши.

И я снова написала – «умер».

«Дядя Вася умер 13 апр. 2 ч. ночь 1942 г.».

«Дядя Лёша 10 мая в 4 ч. дня 1942 г.».

Я очень устала писать слово «умер». Я знала, что с каждой страничкой дневника Тане Савичевой становилось всё хуже. Она давно перестала петь и не замечала, что заикается. Она уже не играла в учительницу. Но не сдавалась – жила. Мне рассказывали... Наступила весна. Зазеленели деревья. У нас на Васильевском много деревьев. Таня высохла, вымерзла, стала тоненькой и лёгкой. У неё дрожали руки и от солнца болели глаза. Фашисты убили половину Тани Савичевой, а может быть, больше половины. Но с ней была мама, и Таня держалась.

– Что же ты не пишешь? – тихо сказали мне. – Пиши, Валя Зайцева, а то застынет бетон.

Я долго не решалась открыть страничку на букву «М». На этой страничке Таниной рукой было написано: «Мама 13 мая в 7.30 час. утра 1942 года». Таня не написала слово «умерла». У нее не хватило сил написать это слово.

Я крепко сжала палочку и коснулась бетона. Не заглядывала в дневник, а писала наизусть. Хорошо, что почерк у нас одинаковый.

Я писала изо всех сил. Бетон стал густым, почти застыл. Он уже не наползал на буквы.

– Можешь ещё писать?

– Я допишу, – ответила я и отвернулась, чтобы не видели моих глаз. Ведь Таня Савичева моя... подруга.

Мы с Таней одногодки, мы, василеостровские девчонки, умеем постоять за себя, когда надо. Не будь она василеостровской, ленинградкой, не продержалась бы так долго. Но она жила – значит, не сдавалась!

Открыла страничку «С». Там было два слова: «Савичевы умерли».

Открыла страничку «У» – «Умерли все». Последняя страничка дневника Тани Савичевой была на букву «О» – «Осталась одна Таня».

И я представила себе, что это я, Валя Зайцева, осталась одна: без мамы, без папы, без сестрёнки Люльки. Голодная. Под обстрелом.

В пустой квартире на Второй линии. Я захотела зачеркнуть эту последнюю страницу, но бетон затвердел, и палочка сломалась.

И вдруг про себя я спросила Таню Савичеву: «Почему одна?»

А я? У тебя же есть подруга – Валя Зайцева, твоя соседка с Васильевского острова. Мы пойдем с тобой в Румянцевский сад, побегаем, а когда надоест, я принесу из дома бабушкин платок, и мы сыграем в учительницу Линду Августовну. У меня под кроватью живёт хомячок. Я подарю его тебе на день рождения. Слышишь, Таня Савичева?»

Кто-то положил мне руку на плечо и сказал:

– Пойдем, Валя Зайцева. Ты сделала всё, что нужно. Спасибо.

Я не поняла, за что мне говорят «спасибо». Я сказала:

– Приду завтра... без своего района. Можно?

– Приходи без района, – сказали мне. – Приходи.

Моя подружка Таня Савичева не стреляла в фашистов и не была разведчиком у партизан. Она просто жила в родном городе в самое трудное время. Но, может быть, фашисты потому и не вошли в Ленинград, что в нём жила Таня Савичева и жили ещё много других девчонок и мальчишек, которые так навсегда и остались в своём времени. И с ними дружат сегодняшние ребята, как я дружу с Таней.

А дружат ведь только с живыми.

...И плывёт наш остров, как корабль: слева – Нева, справа – Невка, впереди – открытое море.

Яковлев Юрий

Девочки с Васильевского острова

Юрий Яковлевич Яковлев

ДЕВОЧКИ

С ВАСИЛЬЕВСКОГО ОСТРОВА

ВЕЛИКОЕ НЕПОСЛУШАНИЕ

Умерли все. Осталась одна Таня.

Из дневника Тани Савичевой.

Ленинград, 1942 год.

Я Валя Зайцева с Васильевского острова.

У меня под кроватью живет хомячок. Набьет полные щеки, про запас, сядет на задние лапы и смотрит черными пуговками... Вчера я отдубасила одного мальчишку. Отвесила ему хорошего леща. Мы, василеостровские девчонки, умеем постоять за себя, когда надо...

У нас на Васильевском всегда ветрено. Сечет дождь. Сыплет мокрый снег. Случаются наводнения. И плывет наш остров, как корабль: слева – Нева, справа – Невка, впереди – открытое море.

У меня есть подружка – Таня Савичева. Мы с ней соседки. Она со Второй линии, дом 13. Четыре окна на первом этаже. Рядом булочная, в подвале керосиновая лавка... Сейчас лавки нет, но в Танино время, когда меня еще не было на свете, на первом этаже всегда пахло керосином. Мне рассказывали.

Тане Савичевой было столько же лет, сколько мне теперь. Она могла бы давно уже вырасти, стать учительницей, но навсегда осталась девчонкой... Когда бабушка посылала Таню за керосином, меня не было. И в Румянцевский сад она ходила с дружкой подружкой. Но я все про нее знаю. Мне рассказывали.

Она была певуньей. Всегда пела. Ей хотелось декламировать стихи, но она спотыкалась на словах: споткнется, а все думают, что она забыла нужное слово. Моя подружка пела потому, что когда поешь, не заикаешься. Ей нельзя было заикаться, она собиралась стать учительницей, как Линда Августовна.

Она всегда играла в учительницу. Наденет на плечи большой бабушкин платок, сложит руки замком и ходит из угла в угол. «Дети, сегодня мы займемся с вами повторением...» И тут споткнется на слове, покраснеет и повернется к стене, хотя в комнате – никого.

Говорят, есть врачи, которые лечат от заикания. Я нашла бы такого. Мы, василеостровские девчонки, кого хочешь найдем! Но теперь врач уже не нужен. Она оста-

лась там... моя подружка Таня Савичева. Ее везли из осажденного Ленинграда на Большую землю, и дорога, названная Дорогой жизни, не смогла подарить Тане жизнь.

Девочка умерла от голода... Не все ли равно отчего умирать – от голода или от пули. Может быть, от голода еще больнее...

Я решила отыскать Дорогу жизни. Поехала на Ржевку, где начинается эта дорога. Прошла два с половиной километра – там ребята строили памятник детям, погибшим в блокаду. Я тоже захотела строить.

Какие-то взрослые спросили меня:

– Ты кто такая?

– Я Валя Зайцева с Васильевского острова. Я тоже хочу строить.

Мне сказали:

– Нельзя! Приходи со своим районом.

Я не ушла. Осмотрелась и увидела малыша, головастика. Я ухватилась за него:

– Он тоже пришел со своим районом?

– Он пришел с братом.

С братом можно. С районом можно. А как же быть одной?

Я сказала им:

– Понимаете, я ведь не так просто хочу строить. Я хочу строить своей подруге...

Тане Савичевой.

Они выкатили глаза. Не поверили. Переспросили:

– Таня Савичева твоя подруга?

– А чего здесь особенного? Мы одногодки. Обе с Васильевского острова.

– Но ее же нет...

До чего бестолковые люди, а еще взрослые! Что значит «нет», если мы дружим? Я сказала, чтобы они поняли:

– У нас все общее. И улица, и школа. У нас есть хомячок. Он набьет щеки...

Я заметила, что они не верят мне. И чтобы они поверили, выпалила:

– У нас даже почерк одинаковый!

– Почерк? – Они удивились еще больше.

– А что? Почерк!

Неожиданно они повеселели, от почерка:

– Это очень хорошо! Это прямо находка. Поедем с нами.

– Никуда я не поеду. Я хочу строить...

– Ты будешь строить! Ты будешь для памятника писать Таниным почерком.

– Могу, – согласилась я. – Только у меня нет карандаша. Дадите?

– Ты будешь писать на бетоне. На бетоне не пишут карандашом.

Я никогда не писала на бетоне. Я писала на стенках, на асфальте, но они привезли меня на бетонный завод и дали Танин дневник – записную книжку с алфавитом: а, б, в... У меня есть такая же книжка. За сорок копеек.

Я взяла в руки Танин дневник и открыла страничку. Там было написано:

«Женя умерла 28 дек. 12.30 час. утра 1941 г.»

Мне стало холодно. Я захотела отдать им книжку и уйти.

Но я василеостровская. И если у подруги умерла старшая сестра, я должна остаться с ней, а не удирать.

– Давайте ваш бетон. Буду писать.

Кран опустил к моим ногам огромную раму с густым серым тестом. Я взяла палочку, присела на корточки и стала писать. От бетона веяло холодом. Писать было трудно. И мне говорили:

– Не торопись.

Я делала ошибки, заглаживала бетон ладонью и писала снова.

У меня плохо получалось.

– Не торопись. Пиши спокойно.

«Бабушка умерла 25 янв. 3ч. дня 1942г.».

Пока я писала про Женю, умерла бабушка.

Если просто хочешь есть, это не голод – поешь часом позже.

Я пробовала голодать с утра до вечера. Вытерпела. Голод – когда изо дня в день голодает голова, руки, сердце – все, что у тебя есть, голодает. Сперва голодает, потом умирает.

«Лека умер 17 марта в 5 часов утра 1942г.».

У Леки был свой угол, отгороженный шкапами, он там чертил.

Зарабатывал деньги черчением и учился. Он был тихий и близорукий, в очках, и все скрипел у себя своим рейсфедером. Мне рассказывали.

Где он умер? Наверное, на кухне, где маленьким слабым паровозиком дымила «буржуйка», где спали, раз в день ели хлеб. Маленький кусочек, как лекарство от смерти. Леке не хватило лекарства...

– Пиши, – тихо сказали мне.

В новой раме бетон был жидкий, он наползал на буквы. И слово «умер» исчезло. Мне не хотелось писать его снова. Но мне сказали:

– Пиши, Валя Зайцева, пиши.

И я снова написала – «умер».

«Дядя Вася умер 13 апр. 2ч. ночь 1942г.».

«Дядя Лёша 10 мая в 4 ч. дня 1942г.».

Я очень устала писать слово «умер». Я знала, что с каждой страничкой дневника Тане Савичевой становилось все хуже. Она давно перестала петь и не замечала, что заикается. Она уже не играла в учительницу. Но не сдавалась – жила. Мне рассказывали... Наступила весна. Зазеленели деревья. У нас на Васильевском много деревьев. Таня высохла, вымерзла, стала тоненькой и легкой. У нее дрожали руки и от солнца болели глаза. Фашисты убили половину Тани Савичевой, а может быть, больше половины. Но с ней была мама, и Таня держалась.

– Что же ты не пишешь? – тихо сказали мне. – Пиши, Валя Зайцева, а то застынет бетон.

Я долго не решалась открыть страничку на букву «М». На этой страничке Таниной рукой было написано: «Мама 13 мая в 7.30 час.

утра 1942 года». Таня не написала слово «умерла». У нее не хватило сил написать это слово.

Я крепко сжала палочку и коснулась бетона. Не заглядывала в дневник, а писала наизусть. Хорошо, что почерк у нас одинаковый.

Я писала изо всех сил. Бетон стал густым, почти застыл. Он уже не наползал на буквы.

– Можешь еще писать?

– Я допишу, – ответила я и отвернулась, чтобы не видели моих глаз. Ведь Таня Савичева моя... подружка.

Мы с Таней одноклассницы, мы, василеостровские девчонки, умеем постоять за себя, когда надо. Не будь она василеостровской, ленинградкой, не продержалась бы так долго. Но она жила – значит, не сдавалась!

Открыла страничку «С». Там было два слова: «Савичевы умерли».

Открыла страничку «У» – «Умерли все». Последняя страничка дневника Тани Савичевой была на букву «О» – «Осталась одна Таня».

И я представила себе, что это я, Валя Зайцева, осталась одна: без мамы, без папы, без сестренки Люльки. Голодная. Под обстрелом.

В пустой квартире на Второй линии. Я захотела зачеркнуть эту последнюю страницу, но бетон затвердел, и палочка сломалась.

И вдруг про себя я спросила Таню Савичеву: «Почему одна?»

А я? У тебя же есть подруга – Валя Зайцева, твоя соседка с Васильевского острова. Мы пойдем с тобой в Румянцевский сад, побегаем, а когда надоест, я принесу из дома бабушкин платок, и мы сыграем в учительницу Линду Августовну. У меня под кроватью живет хомячок. Я подарю его тебе на день рождения. Слышишь, Таня Савичева?»

Кто-то положил мне руку на плечо и сказал:

– Пойдем, Валя Зайцева. Ты сделала все, что нужно. Спасибо.

Я не поняла, за что мне говорят «спасибо». Я сказала:

– Приду завтра... без своего района. Можно?

– Приходи без района, – сказали мне. – Приходи.

Моя подруга Таня Савичева не стреляла в фашистов и не была разведчиком у партизан. Она просто жила в родном городе в самое трудное время. Но, может быть, фашисты потому и не вошли в Ленинград, что в нем жила Таня Савичева и жили еще много других девчонок и мальчишек, которые так навсегда и остались в своем времени. И с ними дружат сегодняшние ребята, как я дружу с Таней.

А дружат ведь только с живыми.

...И плывёт наш остров, как корабль: слева – Нева, справа – Невка, впереди – открытое море.

**Публикуется по:** Яковлев, Ю. Девочки с Васильевского острова. – М. : Нигма, 2019. – 16 с.